

A woman and a young girl are walking away from the viewer through a forest. The woman is wearing a long, dark, flowing dress and has her hair in a bun. The girl is wearing a dark, patterned dress. They are holding hands and walking towards a bright sunset over a body of water. The forest is filled with trees and foliage, and the ground is covered in leaves and twigs. The overall mood is serene and contemplative.

Элара Кирш

Палата на двоих

Элара Кирш

Палата на двоих

«Автор»

2026

Кирш Э.

Палата на двоих / Э. Кирш — «Автор», 2026

Лида приехала в хоспис умирать — одна, злая на весь мир и уверенная, что больше никого не пустит к себе близко. Она хотела тишины. Но соседкой становится шестилетняя Маша — девочка без мамы, без дома и почти без надежды. По ночам Маша кричит от боли и зовёт ту, кто давно её бросил. Лида пытается не слышать. Но однажды ребёнок протянет к ней руки и назовёт мамой. И этой ночью у Лиды останется выбор: снова закрыть сердце — или впервые за много лет стать для кого-то светом.

© Кирш Э., 2026

© Автор, 2026

Элара Киш

Палата на двоих

Лида приехала в хоспис не умирать. Она приехала, чтобы её наконец оставили в покое. Без жалостливых глаз. Без дрожащих голосов. Без этого ужасного: «Ты держись», — после которого человеку почему-то становится ещё больнее.

В приёмном покое пахло мокрыми куртками, дешёвым антисептиком и старой болью. На стене тикали часы — громко, нагло, будто отсчитывали не минуты, а остатки чужих жизней.

— Кому сообщить о вашем состоянии? — медсестра даже не подняла глаз от бланка.

Ручка скребла по бумаге. Тоненько. Противно.

— Никому.

Медсестра всё-таки подняла голову.

— Родственники? Друзья? Кто-то должен быть указан.

— Никому, — повторила Лида так резко, что женщина вздрогнула.

Потом фыркнула. Коротко, почти неслышно. Но Лида услышала.

Конечно. Ещё одна одинокая баба, которую некому забрать, некому навещать и некому будет оплакать. Удобная пациентка. Без скандалов от родных, без вопросов, без претензий.

Лида усмехнулась.

Претензии у неё были. Просто предъявлять их было уже некому.

Палата оказалась двухместной, но второй кровати пока никто не занимал. Это было единственное хорошее в этом месте.

Синие стены, покрашенные только до середины, как в старых школах и районных поликлиниках. Облупленная побелка. Тумбочка с перекошенной дверцей. Ржавое пятно под батареей. Занавеска на окне, когда-то белая, а теперь цвета кипячёной усталости.

Лида остановилась посреди палаты и посмотрела на пустую соседнюю койку.

— Только попробуйте кого-нибудь сюда подселить, — сказала она в пространство.

Пространство промолчало.

Да и кому тут было отвечать?

Её привезли не лечиться. Все это понимали. Врачи, медсёстры, санитарки. Даже водитель скорой, который не смотрел ей в глаза, когда помогал пересест в кресло.

«Несколько недель», — сказал онколог.

Словно дарил ей отпуск.

Несколько недель боли, уколов, тошноты, бессилия и чужого равнодушия. Несколько недель в комнате с облупленными стенами, потому что умирать дома ей, видите ли, было опасно.

Вдруг приступ. Вдруг она упадёт. Вдруг соседи почувствуют запах.

Лида тогда чуть не рассмеялась врачу в лицо.

Вот он, финал красивой женщины. Не платье, не музыка, не чьи-то руки рядом. А страх, что после смерти доставишь неудобство соседям.

Она села на кровать и провела пальцами по простыне. Жёсткая. Крахмальная. Больничная. Такая ткань не согревала — она напоминала, что всё вокруг чужое.

Когда-то у Лиды было много своего.

Своя квартира с большими окнами. Свои духи на туалетном столике. Свой мужчина, который целовал её в шею и говорил, что без неё ему не жить. Свои подруги, которые смеялись на кухне, пили вино и спорили, кому из них больше повезло.

Лиде тогда казалось — ей.

Она была красивой. Умной. Яркой. Из тех женщин, на которых оборачиваются не потому, что они громко говорят, а потому что входят в помещение так, будто свет меняет направление.

Мужчины возле неё терялись. Женщины завидовали. Подруги называли её королевой. И она верила.

Потом был белый зал, вальс, фата, его ладонь на её талии. Семь лет брака, в котором всё вроде бы было правильно. Почти семья. Почти счастье.

А потом однажды она сказала:

— Кажется, я беременна.

Он замолчал.

Это молчание Лида помнила лучше всех слов.

Не радость. Не испуг, который можно было бы простить. Не растерянная улыбка.

Пустота.

Потом он говорил долго. Очень долго. Что сейчас не время. Что они ещё молодые. Что надо пожить для себя. Что ребёнок всё изменит. Что у него проект. Что ипотека. Что она сама хотела свободы. Что в двадцать семь рано ставить крест на себе.

Лида слушала и почему-то кивала.

Она не хотела быть женщиной, которая удерживает мужчину ребёнком.

Она вообще не хотела быть слабой.

Решение они приняли «вдвоём». Так он потом говорил.

Но в кабинет она вошла одна.

И вышла тоже одна.

Через три года, когда Лида вдруг поняла, что хочет ребёнка, оказалось, что жизнь не обязана давать второй шанс. Ни в тридцать. Ни в тридцать два. Ни после анализов, гормонов, врачей, молитв, унижительных процедур и молчаливых ужинов, где между ними лежало слово, которое никто не произносил.

Бесплодие.

Муж держался какое-то время. Даже жалел её. Даже говорил, что всё будет хорошо.

А потом устал.

От её слёз. От её злости. От её тела, которое не могло дать ему наследника.

Он ушёл красиво. «Без грязи», как сказал. Оставил ей квартиру, часть накоплений и пустоту, в которой звенела каждая ложка, упавшая на пол.

Через год Лида узнала, что он женился снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.